

Глава первая

Нина смотрела на экран своего телефона, уже не таясь.

40... 41...

До конца школьного года осталось совсем ничего.

Окна в классе с утра распахнуты настежь. Теплый ветер надувает и поднимает белые занавески. На улице проходит урок физкультуры у малышей: они кричат и даже визжат. Иногда до всех старшеклас-ников доносится писк учительского свистка.

Приятно шелестит яркая, зеленая листва. Теплое солнце светит Нине прямо в щеку, но двигаться ей не хочется: так спокойно и хорошо на душе от этих звуков и ощущений последних дней мая.

43... 44...

Нина оглядывает класс. Почти никто и не подумал положить на парты хотя бы ручки, не говоря уже об учебниках. Нина и сама сегодня пришла с маленькой сумочкой через плечо: без тетрадей, без пенала, без книг.

Все ребята ерзают на своих местах. Должно быть, эти последние минуты последнего урока для многих растянулись в долгие часы. Даже милая и прилеж-

ная Туся, Нинина соседка по парте и близкий друг, несколько раз тяжело вздыхала и постоянно меняла позу: то положит подбородок на ладошки, то выпрямится, то ногами пошевелит.

45...

«Сейчас!»

Противный школьный звонок, который всегда раздражал Нину, в это мгновение показался громким, бодрым и дружелюбным, как папин голос, которым он говорил, когда Нина болела, чтобы поддержать ее. Все тут же зашевелились, повскакивали со своих мест.

— Желаю вам хорошо отдохнуть, — сказала учительница с улыбкой.

На улице, на школьном крыльце, Нина глубоко вдохнула и потянулась.

— Как же хорошо, Туся! Как же хорошо...

— Нина! — окликнули ее сзади. Дима Лосев остановился около девочек, взял прядь длинных светлых Нининых волос и, накручивая ее на палец, спросил, оглядывая Нину жирным и липким, как невытые два дня волосы, взглядом:

— Послушай, давай я тебе напишу, и мы ходим куда-нибудь летом? Что скажешь?

Нина расплылась в улыбке и легко дотронулась до Диминой груди пальчиками:

— Димочка, с тобой — хоть на край света. Пиши, когда захочешь, — сказала она, ненароком высвобождая свою прядь из его ладоней.

— Супер, — он улыбнулся, как будто только что выиграл Аустерлицкое сражение, — я напишу, — и подмигнул.

Когда Дима отошел, Туся сказала:

— Ты же уезжаешь и обычно отключаешь все соц-сети на лето.

Нина бросила быстрый взгляд на Диму, который громко засмеялся в компании парней и смачно сплюнул прямо на асфальт.

— Вот и пусть пишет, — сказала она, откинув волосы назад, — мне не жа... Ай! — вскрикнула, когда ее пощекотали сзади. — Даня!

Смеющийся молодой человек обошел девочек и встал перед ними. Туськин брат.

— Ну что, Улитка, — спросил он у Туси, — домой? Слушайте... уроки сегодня ужас! Я думал, не высижу, время тянулось бесконечно!

Нина закивала.

— Домой, — сказала Туся, а потом повернулась к Нине. — Ты к нам?

— Да нет, пожалуй... Думаю...

— Извините, я сейчас, — перебил Даня, не дослушав, потом крикнул: — Светик-семицветик! Подожди секунду! — и умчался.

— Так что ты говорила? — переспросила Туся.

— Говорю, что собирать вещи нужно. Электричка завтра, а я даже еще не подумала, что возьму с собой.

— Ты все еще не собралась? Я думала, еще в начале мая вещи упаковала и на чемоданах живешь... Все уши ведь мне прожужжала...

Нина пожала плечами. Старшеклассники продолжали выходить из распахнутых школьных дверей, и почти все молодые люди останавливались око-

ло Нины и что-то говорили ей. Обычно диалог был таким:

— Ниночка, привет, что делаешь завтра?

— Вадичка (тут можно подставить любое мужское имя), извини, страшно занята, уезжаю.

Тогда Вадичка ужасно расстраивался и выражал намерение следовать за Ниной хоть на край света. Нина смеялась, и они прощались.

Туся, которой надоел хоровод Нининых ухажеров, взяла подругу за руку и мягко потянула к выходу:

— Пойдем уже, мы с Даней тебя проводим, все равно в одну сторону... Дань! Мы уходим! — крикнула Туся.

Даня замахал руками, мол, идите, догоню, и снова посвятил все свое внимание Светику-семицветику.

Дома Нина никого не обнаружила.

Стояла ужасная духота.

Нина тут же повернула ручки на всех окнах, впуская в квартиру майский вечер.

Родители всегда закрывали наглухо все, что можно, перед уходом. «Боже мой! Да кто к нам на двенадцатый этаж полезет? Голуби-бандиты?» — постоянно смеялась Нина. Но родители все равно делали по-своему: боялись, что молодая, глупая и уже обожаемая всей семьей кошка может попасть в беду. «У меня так у подруги в детстве кот умер, — как-то рассказала мама. — Представляешь, ее родители в жару тоже окна оставили открытыми, ушли на работу. Она, подруга моя, просыпается и видит... страшная вещь... болтается тельце... страшная вещь!»

— Ну, привет, Любовь, — Нина присела, чтобы погладить ласковую белую кошечку, совсем еще тоненькую по своей молодости, которая терлась о ее ноги. — Где все?

Любовь мяукнула и высунула на долю секунды язык. Про родителей она ничего не знала, но вполне ясно давала понять, что голодна.

Нина прошла на кухню, а за ней проследовал топот кошачьих лапок.

— Ну, Любовь, ты как слон! Конечно, любовь же чувство большое, да? Значит, и тяжелое. Ты соответствуешь, все правильно.

На тумбе около холодильника лежал белый лист бумаги:

«Ушли в гости, Нинуль. Не теряй. Собери все вещи, завтра электричка рано.

Р. С. Люблю.

Р. Р. С. Еда в холодильнике».

Любовь недовольно мяукнула и ткнулась мокрым носом Нине в лодыжку.

Записку от мамы Нина положила туда же, откуда взяла, накормила бедную кошку и выглянула в окно.

«Боже мой! Наконец! Свобода! Ах, боже мой, как хорошо!»

Когда за окном зачирикали птицы, Нине захотелось захохотать от счастья.

Подхватив наевшуюся Любовь, Нина упала в кресло в гостиной, включила телевизор (никаких уроков!) и, совсем не обращая внимания на фильм, стала думать о предстоящем лете.

Дача, шумящий лес прямо за окном, речка, вода в которой к середине лета становится теплее свежесваренного чая...

Большой участок в деревне рядом с сосновым бором Нинины бабушка и дедушка получили много лет назад, задолго до ее рождения. Мама всегда любила рассказывать, что дедушка сам строил и дом, и баню. В детстве Нина смотрела на них и думала: «Это как так — сам? Совсем сам?»

Прошло уже много лет, бабушка с дедушкой состарились, Нина повзрослела. На том участке родители, дела которых давно пошли в гору, построили просторную летнюю дачу, но Нина все еще, смотря на маленький домик из сруба с голубыми ставнями, который родители не стали сносить и который одиноко стоял в самой глубине участка, там, где начинался сосновый бор, с восторгом думала: «Своими руками сделать нечто монументальное... то, что стоит уже двадцать лет... или больше... Разве это не чудо?»

Щелкнул дверной замок. О чем-то по-доброму споря, в квартиру вошли родители. Все еще держа Любовь на руках, Нина показалась в коридоре и прислонилась к стене.

— Сколько букетов тебе сегодня подарили? — спросил папа. Он давно — в целях самозащиты — стал относиться насмешливо к тому, что Нину (господи, совсем малышка ведь еще!) с четырнадцати лет окружают ухажеры.

— Нисколько. Я исчезла раньше, чем меня успели осыпать комплиментами и завалить цветами.

— Вот и хорошо, в доме уже ваз нет, — сказала мама, обмахивая лицо руками. — Господи, как жарко в конце мая... Так, вещи собрала?

— Нет... — Нина зевнула. Прохлада вечера и мурчание кошки действовали на нее успокаивающе.

— А что делала? — мамин голос донесся из ванной, где она мыла руки.

— Ленилась... Мам, не волнуйся, все успею.

Поздно ночью, собирая вместе с мамой чемодан, Нина спросила:

— А вы когда приедете?

— В конце июля. Когда мне отпуск дадут, — сказала мама, аккуратно сворачивая Нинины джинсы.

В комнате горела только настольная лампа. За окном шумела листва. На кровати, свернувшись клубочком, давно спала Любовь.

— Даню с Тусей сразу на вокзал привезут или мы их заберем?

— Заберем... Так, вроде все собрала... подожди, платье же твое летнее высохло!

— Какое? — спросила Нина.

Мама уже скрылась в гардеробной и оттуда крикнула:

— Ну какое, какое... любимое твое! Которое ты заляпала мороженым... — Пока мамы не было, Нина быстро достала из-под подушки два комплекта нижнего белья, которые купила совсем недавно, и положила под только что сложенные джинсы. — Вот это! — мама показалась в дверях комнаты.

— Точно! Хорошо, что вспомнила.

— Только оно помнется у тебя... давай переложим по-другому, сейчас...

— Нет! Не надо! — Нина отчаянным рывком попыталась остановить маму, но опоздала. Она уже подняла джинсы и заметила белье.

— Это что? — спросила мама.

Нина густо покраснела.

— Я увидела в интернет-магазине... красивое... мне захотелось...

Мама молча сложила все обратно и закрыла чемодан.

— Красивое. Зачем прятала?

У Нины заалела даже макушка.

— Если хочешь, могу записать тебя к гинекологу. Нужно? — мама поставила чемодан к дверям, повернулась к Нине и внимательно на нее посмотрела.

Нина покачала головой, разглядывая пол.

— Ложись спать, завтра электричка рано, — сказала мама и вышла.

Нина тут же прижала прохладные ладони, от которых отхлынула кровь, к горящим щекам.

На вокзале людей почти не было.

— Конечно, в среду в девять утра! Я удивлен, что электричка вообще приехала! — бодро сказал Даня, пока Нина и Туся бесцеремонно зевали, лениво обводя взглядами перрон.

— Холодно, — поежилась Нина и укуталась в теплый кардиган. Снова зевнула.

Лето еще не наступило. До конца мая оставалось пять дней, но все уже успели расстроиться: по про-

гнозу, майская жара должна вот-вот смениться проливными дождями.

— Ничего, ничего! — не унывал только Даня. — Спорю, что уже через неделю будем валяться у речки, а пока будем у камина греться.

— И бабушкин чай с мелиссой и мятой пить, — сказала Туся.

— И в шахматы играть, — улыбнулась Нина и глубоко вдохнула свежесть майского утра.

Они проводили в деревне каждое лето, начиная с раннего детства, и уже давно полюбили жизнь вдалеке от города не только в знойные дни, но и в дождливые.

Когда родители завели традицию на все лето отправлять Нину на дачу, ей едва исполнилось семь, и она сразу же почувствовала себя несчастнее всех на свете. Без Интернета! Без дворовых друзей! Без мультиков! Правда, грусть ее продлилась недолго, до тех пор, пока соседний участок не выкупила семья с тремя детьми. Так Нина встретила Тусю и Даню.

Так уж вышло, что все состоятельные люди их города имели дачи именно в «Сосновом лесу» (так назывался дачный поселок), а детей непременно отправляли в один и тот же лицей (потому что — лучший!), поэтому Нина была счастлива вдвойне, когда первого сентября увидела своих летних друзей на линейке.

— Так, дети! — рядом с ними остановился Нинин папа. Он единственный оказался практически свободен этим утром (совещание не считается уважительной причиной, если ты владелец предприя-

тия и легко можешь сдвинуть его на пару часов, по мнению Нининой мамы). — Вон ваша электричка. Поезжайте и, пожалуйста, будьте благоразумными. Доберитесь, я прошу вас, без приключений, чтобы нам не пришлось, как в том году, вылавливать вас в лесу (Тусю тогда укачало, они вышли подышать, а электричка взяла и уехала. Хорошо хоть до деревни оставалось всего несколько километров). Даниил! Ты главный, за девочками бди. Что еще... Нина, за Любовью следи, бабушку и дедушку слушайся, не раскручивай их на подарки и попытайся не утонуть в их ласке... Даня, Туся, ваши родители передали вам точно такое же пожелание... Ну, все, давайте помогу вам с сумками...

Когда все чемоданы оказались в вагоне, Нина обняла папу, поцеловала его на прощание (они не увидятся почти два месяца) и села рядом с Тусей на жесткое сиденье.

Пейзаж за окном тронулся. Нину охватило сладкое волнение. Лето началось, пусть сейчас все еще май — это неважно. Лето началось!

Глава вторая

Электричка все неслась среди зеленых лесов и широких полей, закрывая собой от птиц темные рельсы, которые всегда заставляли Нину чувствовать внутри какое-то сопротивление. Такое сопротивление может ощущать заядлый перфекционист, который, наслаждаясь идеально выстроенными окнами на фасаде дома, вдруг замечает, что одно из окон чуть повернуто и выбивается из общей картины. Так же и Нине хотелось насадить больше деревьев, только бы скрыть следы человеческой гордыни, из-за которой возможность добраться до пункта назначения за шесть часов, а не, положим, за неделю стала цениться больше, чем дуб или береза, которые росли не одно десятилетие...

Нину отвлек смех кудрявой, странно одетой (кто вообще в наше время носит легинсы под платье?) девушки, с которой уже полчаса флиртовал Даня у дверей вагона.

— А что, Светик-семицветик уже не в почете? — спросила Нина, но Туся не смотрела на нее, поэтому не услышала. Нина легко дотронулась до плеча подруги и, когда та повернулась к ней, повторила вопрос.